

В ГАЗЕТЕ «Сударушка» про-
шел диалог с популярным
ведущим программ «Взгляд»
Александром Любимовым:

— А не хотели бы вы встре-
титься с томной женщиной XIX
века? С Татьяной Лариной, на-
пример?

— После первого же прочте-
ния «Евгения Онегина» Татьяна
Ларина не вызывала у меня,
мягко говоря, никакой симпатии.

— Значит, вы не доверяете
любви девушки, воспитанной на
французских романах?

— Эта любовь бессмысленна.
Я не хотел бы, чтобы моя жизнь
была связана с женщиной, кото-
рая ничем не занимается, апати-
чна во всех отношениях и
«круто» устремлена куда-то к
астралу.

Если сделать скидку на неко-
торый эпатаж и налет юмора в
вопросах и ответах, за словами
этимися означится мнение, может
быть, и не столь редкое. Разве
школьные учебники десятилетия-
ми не отвращали нас от Пушки-
на? «Проходя» его, поколение
за поколением проходило мимо
него, через частую социологи-
ческих классификаций и ярлы-
ков, обдирая о них мозги и ду-
ши. И если все же еще не от-
вратили, то как же силен Пуш-
кин!

В свое время мне посчастли-
вилось посетить в Московском
музее Пушкина несколько вече-
ров, которые Валентин Непомня-
щий посвятил размышлениям о
«Евгении Онегине». О, это были
совсем иные, чем в школьной
гладкописи, и Онегин, и Татья-
на! Весьма и весьма не согласо-
ующиеся с политической погодой,
стоявшей тогда на дворе. Гово-
рят, этот человек, ныне — пред-
седатель Пушкинской комиссии
Института мировой литературы,
вел когда-то факультатив по
творчеству поэта в одной из
школ. Я позавидовал его учени-
кам. Да и сейчас с грустью ду-
маю: где их взять, таких учи-
телей, на миллионы и миллионы
юных душ?..

Когда нынешняя волна разру-
шения ложных ценностей и иде-
алов похода задевает и ценности
подлинные, она, к сожалению,
часто попадает на почву, густо
удобренную нашим невежеством,
нигилизмом полужизни. Но, мож-
ет быть, все и гораздо серьез-
нее — мы устали от великой
культуры своей страны, от ее
обжигающего облучения, вечно
напоминающего: «душа обязана
трудиться и день и ночь, и день
и ночь»? Не то ли с нами про-
исходит, что некогда предска-
зывал Л. Гинзбург в своем «Гет-
тингенском семинаре»: «Класси-
ков можно убить чиновничьим
напиранием, парадными чествованиями,
тупой школьной зубрежкой, но
бывает и так, что усталое об-
щество уже не в состоянии хра-
нить классику, духовные ценно-
сти выпадают из его обессилев-
ших рук?»

И вот уже до Александра
Пушкина докатывается волна
сменений и разочарований во
всем и вся. А был ли Пушкин?
Может, Пушкина и не было?

В одной из брошюр, обноро-
дованной в наши дни, высказы-

вается мысль: всенародная лю-
бовь к поэту связана прежде
всего с небывалой и ни с чем
не сравнимой пропагандой Пуш-
кина у нас в стране средствами
массовой информации... Не бу-
дем скрывать от самих себя, что
у большей части населения стра-
ны эта напряженная работа
особого энтузиазма не вызывает...
«Ну вот, опять о Пушкине!
Сколько же можно? И что в нем
такого замечательного? Сотво-
рили себе кумира!»

...Всякий официальный культ,
не подкрепленный разумной уме-
ренностью и вдумчивой разъяс-
нительной работой, неизбежно

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич.

Не очень-то удобный для на-
родного поклонения Пушкин! Так
что народ любит в Пушкине не
только льстящего ему гения, но
— прежде всего — ищет и нахо-
дит эхо своих нынешних дум и
своих бед. Обостряется ситуа-
ция в Прибалтике, и в народе
уже ходит пушкинское:

Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Форсируется событиями изб-

известия - 1991 - 4 июня

А БЫЛ ЛИ ПУШКИН?

Размышления в канун дня рождения поэта

вызывает противодействие. Читя
кумира только потому, что его
чтут во всей стране, любить
«вслед за чинною толпою» со-
гласны не все».

Наверное, есть в этих рас-
суждениях значительная доля
истины. Но разве можно срав-
нить корни «культа» Пушкина в
народе с теми, какие пускают
пусть даже самые яростные га-
зетно-журнальные кампании? Это
такой феномен, создать или раз-
рушить который не под силу ни-
каким, даже самым изощренным
средствам массовой информации.
Скорее — они сами приспособля-
ются к нему, при всем своем
могуществе. Внешнее кумиропо-
читание поэта официальной про-
пагандой ни в какое сравнение
не шло с острым, часто «пота-
енным» прочтением Пушкина в
самых разных общественных
слоях. Его никогда, ни при куль-
те, ни при отпелении, ни при за-
стое, не удавалось «приручить».

Помню весну 61-го года в Пе-
ределкине. Среди берез Корней
Иванович Чуковский читает нам,
участникам первого всероссий-
ского семинара молодых крити-
ков, Пушкина. Незнакомого, не-
ожиданного — точка в точку о
том, что тогда всех нас мучило.
Кто-то говорит: «Напиши он это
сегодня — не напечатала бы». И
Чуковский с печальной улыбкой
кивает в ответ. Мол, это он и
имел в виду.

Да и сейчас, на тревожных
наших распутьях, слишком ча-
сто строки поэта — точка в точ-
ку — оказываются «на злобу
дня». На Пушкинской площади,
где денно и ночью бурлят поли-
тические страсти, на самодель-
ном плакате написано:

рание Президента СССР, а за-
тем и России, и тут же откуда-
то из запасников народной па-
мяти воскресают «Пирующие
студенты»:

На всякий случай изберем
Скорее президента.

Конечно, это все случайные
созвучия с сегодняшним днем.
Но люди их ищут и находят.
Потому что есть у них внутрен-
няя потребность обращаться к
Пушкину, искать и находить.

Взаимоотношения народа и
Пушкина, однако, — куда более
объемное явление, чем его мож-
ет схватить плоское мышление
отдельных людей, привязываю-
щих гения лишь к тому или
иному политическому полюсу.
Как им постичь, что такое
п-мерное пространство с его
бесконечным числом степеней
свободы? Это уже качественно
иное восприятие и осмысление
мира. А Пушкин и есть такое
п-мерное пространство рус-
ской поэзии, русской духовной
жизни. Он свободен, стремите-
лен и музыкален буквально с
первой дошедшей до нас пробы
пера — «К Наталье».

Музыка слова, высшая, тай-
ная ее свобода с детства были
запрограммированы в этой
судьбе. И многое, очень многое
отзвучает ей потом эхом в
других поэтических и музыкаль-
ных мирах России. И в хресто-
матийном фетовском: «Шепот,
робкое дыханье...» вдруг услы-
шится строка четырнадцатилет-
него лицеиста: «Робко, сладко-
стотно дыханье». И само имя —
Наталья — закольцует пушкин-
скую судьбу от первого стихо-
творения до последнего удара
сердца.

Да, в любой строке Пушкина —
свободное движение и музыки,
и мысли, полная раскованность,
неподвластная канонам. Не отто-
го ли изо всех его лицейских на-
ставников так по душе Пушкину
был Галич, понимавший и чувст-
вовавший, что талант — природ-
ное явление и одно только воз-
можно тут воспитательное влия-

ние: дать ему развиваться совер-
шенно свободно? Напротив — все
попытки Кошанского «образо-
вать его в поэзии» встречали со
стороны Пушкина внутреннее
противодействие. Уроки Кошан-
ского не пройдут для него бес-
следно. Но право решать самому,
что ему нужно и важно в жи-
зни, он не отдаст уже никому,
даже императору.

Исследователи видят в пуш-
кинском «Памятнике» завещание.
Сблизившаяся с этим стихотво-
рением смерть окрашивает строки
в завершающие, бронзовые
тона. Но ведь не собирался он
еще умирать!

«Памятник» — не завещание,
не эпитафия, а кредо Пушкина.
Он был старше, мудрее своих
предсмертных лет. Но он был
старше, мудрее и своего века,
многих своих современников. И
это метило его судьбу магиче-
ским знаком неизбежной траге-
дии.

Да, очень многое говорит о
том, что всей своей жизнью,
всем окружающим отсутствием
воздуха Пушкин был загнан в ту-
лик. Но у же время духовная
его жизнь была оборвана на пу-
ти к дальним, ему одному ведо-
мым вершинам. Пуля Дантеса
оборвала, сделала конечным счет
прожитых годов в земном, физи-
ческом смысле. Но никто и ничто
на свете не в силах остановить
этот прорыв через души людей
в века и пространства сначала
России, а потом и в планетарных
масштабах.

ГОВОРЯТ: кто видел весну,
лето, осень, зиму, тот ви-
дел все и ничего нового уже не
увидит. Но приходит в мир че-
ловек. И проходит тот же круг,
что и миллионы до него и после.
Детство. Первая любовь. Го-
вения. Свадьба. Дети. Работа.
Долги. Вершины. Падения.
Ярость. Смерть... Ничего нового.
Весна, лето, осень, зима. Но ог-
лядываются люди на эту жизнь
и поражаются: все ново, все
неповторимо. Все — Пушкин.

Не потому ли народ окружил
его любовью долговечной и все-
общей, что нашел в этом незаме-
кнутом, в этом и ныне открытом
к людям жизненном круге нечто
достойное стать вечной ценно-
стью, а не временным кумиром?
Абсолютную внутреннюю свобо-
ду, абсолютное понимание чести,
абсолютную верность друзьям и
самому себе. Отрешенность от
духовных стереотипов при пре-
данности самым светлым и че-
ловечным идеям, исповедовав-
шимся лучшими сынами Отече-
ства.

Тот, кто духовной жаждою то-
мим, кто с фонарем Диогена
ищет человека под палящими
юпитерами нашего злого, пуб-
личного века, неизбежно прихо-
дит к Пушкину. И находит в нем
человека на все времена. И за-
ново открывает для себя истину,
высказанную давным-давно, еще
к столетию рождения поэта, Ин-
нокентием Анненским: «Гуман-
ность Пушкина была явлением
высшего порядка: ...ее источник
был не в мягкосердечии, а в по-
нимании и чувстве справедливо-
сти».

Клим СМЕРНОВ.